

ИГРАТЬ В КАВЕР

Опыт жизнеописания
в одном из сочинений
фельетонной эпохи

iiy lamba

2014

Часть. Приземление

О чем думает твоя сущность? воодушевленно медленно поднимаясь, взлетая над зыбким побережьем, поддуваемая нежными потоками воздуха? паря в глубокой теплой выси, оглядываясь на окружающую бездонную пророчащую материальную реальность?

Возможно ли, ограничиться наслаждением бесконечного инфинитива громоздкой тишины? прерваться созерцанием непредсказуемой вымышленной реальности?

Тишина.
Игра слов.
Тишина.

o o o

Трепетное хлопанье черных крыльев приземляющейся птицы прервало тишину, которая возможна только в голубой выси, куда не долетает шум земной суеты.

Одинокая ворона пикируя, присела на ветку высокого тополя, неестественного, пыльного цвета, растущего возле каких-то объектов промышленности, с тавтологическим именованием вечного маленького, кучерявого Володи..., близкого и почти родного Ильича..., недавно, хором воспеваемого, обманутыми солидарными трудящимися, Ульянова (Ленина).

Птица, характерно наклонив голову, рассматривает все вокруг.

*Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой,
А в городе том сад, все травы да цветы,*

Гуляют там животные невиданной красы...

1

Как дымчатые хвосты гигантских буров упершихся в брентную землю, поднимаются в небо из труб и котлов, заводов и фабрик, разноцветные клубы, столбы и струи отходов человеческой промышленности. Где-то, вдали, возле громадных и шумных огнегривых горе-машин, чумазые работяги-муравьи, очевидно надрываясь, сильно махая руками, будто в странном танце, неслышно орут друг другу, скорее всего, о каких-то технологических проблемах.

*Одно – как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.*

1

Создается впечатление, что невидимая рука, очевидно, дымом, песком, пылью, напоминая технику изобразительного искусства Sand Art, творчески деликатно добавляет художественную ретушь, к воображаемому городскому пейзажу.

Ворона перелетела, чуть подальше, на одно из высоких деревьев, растущих в парковой зоне, где на ветках соседних деревьев расположилось множественное количество таких же черных бродяг.

Внизу, под деревьями, квартет правоохраняющих сине-сиреневых пузатых муравьев-упырей, с симпатичнейшими заплывшими глазами, безучастно реагирует на злейшее правонарушение, и, кстати, если присмотреться, пошатывающего от хмельного воздействия, писающего, за одним из кустов, сорокалетнего тунеядствующего мальчика. На погон одного из бдительных блюстителей порядка, сверху ляпнулась капля птичьего помета, возле скромного

символа прапорщика, напоминая красивейшую «майорскую» звезду.

*А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим,
Кто светел, тот и свят,
Пускай ведет звезда тебя
Дорогой в дивный сад.*

1

Разгневанный мент, под насмешки коллег, схватив первую попавшуюся, валяющуюся на газоне палку, закинул вверх на сидящих благословляющих черных пернатых снайперов. Стая ворон вздымаясь, возмущенная неестественным гневом старателя, частично освятив бомбежкой помета патрулируемое место, повысила в звании некоторых «майорских» соглядатаев. Испуганная группа блюстителей вроссыпь, хаотичными перебежками в разные стороны, пригнувшись, попыталась избежать небесной манны. По случайному совпадению, та самая, первая попавшаяся запущенная палка, очевидно, не симметрично отскочив от веток деревьев, с глухим стуком вернулась на голову незадачливого «офицера».

Стая перелетела на другие симметрично высаженные деревья, возле многоэтажного больничного здания.

Через стекла клиничных окон нижнего этажа, наблюдается как разнообразное разнополое, охающее и чихающее, слезливое общество, жаждущих оздоровиться, получить больничные листы, и просто, все тех же, тунеядствующих сорокалетних, и не только, симулянтов, толкалось возле архангелоподобных ругающихся теток, классифицирующей благословляющей клинической регистратуры. Этажами

выше, осчастливленные больные, уже скромнее теснятся, у входов в заветные кабинеты светлых апостолствующих медицинских работников, различных квалификаций, ученых степеней, с сановными стетоскопами на шее, и просто, лекарей, немного знающих латынь.

Второстепенным эхом, из дальнего кабинета,

*Одно – как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.*

1

- Ева, душа моя, давайте опустим, всю эту лирику.

Через ближайшее раскрытое окно, одного из верхних этажей, было видно как в отдельной широкой ложе, холеный, пожилой и уставший верховный жрец, главенствующий врач многоэтажной богадельни, громко констатирует по телефону.

- Приезжайте, на пару месяцев, и наши генитальные доктора покончат с Вашим бесплодным лотосом. - Он посмотрел на почетные грамоты, медицинские сертификаты, международные свидетельства о присвоенных ученых степенях, магистратуре, развешенные на стенах главного, собственного кабинета.

o o

От автора

Играя в кавер повествуется о некоторых событиях, короткого периода жизни, обычного талантливого, независимого человека, который в поисках тривиальных целей, стремлении

самореализации, проходит несколько судьбоносных испытаний, схожие с жизненными терниями героев творчества Германа Гессе.

Элементы прототипствующих жизнеописаний, в произведениях философа, дают права изложения истории своего жаждущего героя, преобразования навыками подсознательной игры чувствами, эмоциями и воображением.

Сходство композиций творчества Гессе, с музыкальными произведениями, в которых история героев проходит ведущими музыкальными темами, не может не провоцировать, к призыву текстов песен (также выделены курсивом) некоторых мастеров и магистров музыки, конца двадцатого столетия и настоящего времени, отображать внутренние переживания героев, исключительно содействуя, предопределяя и влияя на события игры.

Данная литературная кавер-версия, посвящается людям, которые фантазируют..., мечтают... ищут..., благодаря которым, наверное, существует мир.

ooo o o o

Молча идут по ночному, плохо освещенному городскому жилому массиву, трое худосочных молодых людей. Один из них, сонно вглядывается в предшествующие собственные перемещающиеся тени, в зависимости от количества светящихся уличных фонарей, под освещение которых попадает пешая компания. Тени, перемещаясь контурами своих героев, периодически немного вытягиваются и символически преображаясь, напоминают своеобразные неодушевленные фигуры, нематериальные стрелки, на

сером асфальтном вполне материальном циферблате, странного хронометра земной поверхности.

- Нас уже нет. Но мы становимся таковыми, в то время, когда беззаботность и стабильность перестают быть нормой. - Вымышленные образы теней, навели нашего центрального путника на дискуссионные размышления. - Вам хочется драться и смеяться..., пить и танцевать..., потому что, Вы - Человек, обычный Герой своего времени.

- Слуга, о чем ты думаешь?

- Да так. Наши тени... то сходятся, то расходятся..., появляясь из под ног исчезают..., одна короткая..., другая длиннее... Все как в жизни. Этакие, пророчествующие вектора?

- Это верно. Как в наших сказках..., на перепутье... Сюда пойдешь - в огонь попадешь. Туда пойдешь - в воду зайдешь...

- Медных труб только не хватает.

Троица прошла возле многоэтажных панельных домов, остановилась у одного из неосвященных подъездов.

- Ну, все..., Герман, Гессе, я отчалил, а то завтра в путь, хоть посплю немного. Еще раз, поздравляю с Днем рожденья. Хорошо отметили. Всё-таки, шестьдесят шесть, хоть и на двоих.

- Да..., возраст Христа... - задумался Герман, - и инфинитив... Зато тебе двадцать пять, и многое есть..., и Вера, и Надежда... - Гессе, его брат близнец улыбнулся.

- Любви только не хватает.

- Счастлив тот Человек, которому чего-то не хватает... и это один из залогов, как его бурного существования, так и спокойной жизнедеятельности, если хотите. Хотя при Богом данных возможностях, во всех случаях, осознанно или не осознанно, Вами

исполняются, и определенные благородные цели, и безобразные миссии или мечты. И если в одном случае это производится намеренно, но дилетантски, то в другом - осуществляется произвольно, но мастерски. Или наоборот, если хотите. И вот, от того как, это исполняется, зависит степень того, или иного Вашего же мастерства.

Герман даже пошатнулся, то ли от тирады собственного монолога, то ли от ранее выпитого спиртного.

- Ладно. Семье передавай привет. Маленькой Вере, особенно. - Компания, ненавязчиво попрощалась, пожимая руки. - Кстати, Мастер, а как там твоя Маргарита?

- Не знаю. Надя мне даже не звонит. - На лице Слуги промелькнула улыбка грусти.

- Ну, ну, «еврей», держи нос бодрей.

Братья направились дальше, Слуга побрел в темный подъезд своего домашнего начала.

oo o o

- О! Верка, смотри, кто пожаловал! - Изрядно выпивший отец, сидя куняя на кухне, облокотился рукой с дымящейся сигаретой о стол, - твой брат, овца белая, художник голодный..., - отец поднял голову, вглядываясь в коридор, на зашедшего Слугу. - Что-то все ищет, думает...

Из темной комнаты, укутавшись в материнский домашний халат, к Слуге подошла младшая сестра, заспанная, тоненькая миниатюрная Вера.

- Папа, мы на эту тему сегодня уже говорили. Он завтра уезжает. – Вера устало, не посмотрев на отца, улыбнулась брату. - Привет, Ежик. Мама на дежурстве. Вещи мы тебе собрали.

Дорожная сумка стояла в коридоре.

- Ты есть будешь?

- Конечно. Я всегда голодный, особенно морально, ты же знаешь. – Слуга, улыбаясь, подыграл заботливости сестры и возмущениям отца. - В общем, по тому-то и овца... - он перекинул родителя - ...белая.

- Не овца, а ворона, и не морально, а духовно, – наигранно поправила брата девушка.

- Если ты ищейка такая, пошел бы, тогда работать, как мамин племянник, сыщиком в «комитет», что ли... Стал бы большим человеком...- пробормотал глава семейства, отрешенно махая рукой в сторону детей. - А-а... *Что с вас взять? Сын, дочь, зять...*

И тут, в творческом воображении Слуги, которое получило поэтический толчок от случайно произнесенной рифмы, отец театрально вздымаясь, как древнегреческий герой, с высоко гордо поднятой над головой, горящей зажигалкой, и почти олимпийским широким шагом, начал пеший марш, который, в сюрреалистической реальности, перешел в танцевальный номер.

Что с вас взять? Сын, дочь, зять.

Смотрите на меня, я почти Герострат.

Со свечкой и босиком вы выйдете впервые

На проспект за углом.

Хотя бы для того, чтобы взглянуть,

Как пылает наш дом.

2

Вымышленное действие сформировалось в танцевальный номер, уличное хореографическое шествие таких же полупьяных работяг-муравьев, из соседних квартир и домов, с поднятыми зажженными факелами в руках.

*В нашей семье каждый делает что-то,
Но никто не знает, что же делает рядом.
Такое ощущение, словно мы собираем
Машину, которая всех нас раздавит.*

2

В разгулявшихся фантазиях Слуги, танцующие вспотевшие работяги, с горящими покрасневшими глазами, то ли от учиненной огненной оргии, то ли от постоянного влияния зеленого змея, размахивая факелами, завели хоровод вокруг пылающего дома.

*Наша семья – это странное нечто,
Которое вечно стоит за спиной.
Я просто хочу быть свободным и точка,
Но это означает расстаться с семьёй.*

2

Отец настолько сильно размахался руками, что уклонившемуся Слуге, в такт надуманной мелодии, пришлось запихивать буйного родителя, в соседнюю ванную комнату. Толкотня напомнила агрессивное противостояние, что спровоцировало всплывшего сына на поспешный уход из дома. Слуга схватил приготовленную сумку, и не допуская очередного «тургеневского» скандала, хореографически выскочил из квартиры, громко хлопая дверью. Отчаянно, быстрым шагом, выбежал из подъезда родительского очага, и постепенно замедляясь, задумавшись, побрел в неопределенном направлении, наверное, в сторону вокзала.

o o o

o o o

Возле темного подъезда одного из соседних домов, мерцали тени компании негромко хихикающих

подростков. Кто-то, из веселых отроков старательно затягивал куплет небезызвестной песни.

*Есть белая овца среди черных овец,
Есть белая галка среди серых ворон.
Она не лучше других, она просто дает
Представление о том,
Что нас ждет за углом.*

2

- Слуга! Слуга! Стой ненормальный! - неожиданно, приятный девичий голос, окрикнул ссутулившегося под дорожной ношей бродягу.

Тот, остановившись, распознавая голосистые веселые звонкие нотки, взгляделся в темноту, в сторону неосвещенного подъезда девятиэтажки, откуда слышалось душевное исполнение небезызвестного произведения.

– Ну, все, пока. Я побежала.

Из тьмы к худосочному пилигриму подбежала милая, тоненькая Надя, в легком светлом платье, двумя руками хватаясь за свободное предплечье Слуги, подтягиваясь на носочках, поцеловала того в щеку.

- Привет. Проведешь меня домой?

- А у меня есть шанс? – смутился парень случайной встрече.

- Шанс у тебя, есть всегда, – разумно заметила девушка.

- Я хотел сказать... выбор. Выбор, Надя.

- Всегда ты так. Скажи, лучше, где пропал? Я ждала тебя.

Не так давно, близкие молодые люди, размеренно направились по темным родным переулкам. Нерешительный Слуга, неумело демонстрируя непринужденность, что-то многозначительно пытался рассказать спутнице.

*Я был один, я грустным был.
Я ждал тебя, но мой телефон молчал.
Ты не пришла ко мне домой,
А я, как моряк, искал к тебе причал.*

3

Миниатюрная Надя, по-прежнему держась обеими руками за спутника, делая вид, что поддерживает невнятную беседу, изредка опережая, улыбаясь поглядывая на своего избранника. Ей всегда было хорошо с ним. Она многое ждала от него. Она умница.

*Где ты, свет, где твой след от подмётки?
«Отзовись!» – я кричу сгоряча.
«Чья ты, чья?» Ча-ча-ча, ты-ты-ты моя!
Вся душа в крови, но по колено в любви.*

3

Полуночная компания тоже разошлась по домам. Часть из них, мурлыкав напевая, пританцовывая, тянулась позади тихой согласной пары. Казалось, что аура юной, девственной любовности шлейфом сопровождала присутствующих. Наблюдателю с хореографическим воображением, эта ночная прогулка могла напомнить рок-н-рольную постановку с участием Нади, Слуги, шествующих молодых людей, преобразенных в стильные костюмы, на воображаемой сцене-улице.

*Поверь мне здесь, и только здесь,
Со мной вдвоём ты счастье обретешь.
Так отзовись, ау, и вернись,
Мы знаем, что ты его любишь,
И снова придёшь.*

3

Действие милой танцевальной пары плавно переместилось в пустую комнату, претворившись в страстные интимные сочетания. Надя, откинув назад голову, дрожа, вытянулась, во время ответственного сочного финального момента...

- Я не вернусь.

Девушка, услышав фразу, которую она предполагала, но не так скоро, грустно опустила голову, как поникший цветок. Под окнами дома, компания молодых людей, преобразенных в стильные костюмы, по-прежнему продолжая веселый энергичный танец, на воображаемой сцене-улице, в хореографической кульминации, театрально выгнувшись, синхронно целовались.

Где ты, свет, где твой след от подмётки?

«Отзовись!» – я кричу сгоряча.

«Чья ты, чья? Ча-ча-ча, ты-ты-ты моя!

Вся душа в крови, мы по колени в любви.»

3

o

- Какое холодное лето. – Наутро, расстроенная девушка, стоя у кухонного окна, спокойно созерцала живописный, акварельный пейзаж. Надя больше не увидит Слугу.

- *Я хочу быть с тобой.* - Она не плакала. Она развернулась, не поднимая затуманенных глаз, смущенно вышла, показав на накрытый завтраком стол.

Возьми меня в свой дом огня и света,

Там сила и целебное тепло,

Возьми меня с собой ищущего ответа,

Кто не с тобой, тому не повезло.

4

Стараясь быть незаметной, Надя аккуратно положила что-то в дорожную сумку Слуги, возвратилась на кухню. За окном преображались утренние мотивы летней природы, вперемешку с мутнеющими панорамами дымящихся заводских куполов и труб, блестящих религиозных луковиц. Внизу порыв ветра тихой прибрежной волной поднял пыль, песок, странные блуждающие античастицы.

*Открой мне мою душу, если можешь,
Сама себя не знаю и боюсь,
Дай силы взять, что предо мной положишь,
На большее я да не соблазнусь.*

4

Слуга ушел. Вышел из подъезда многоэтажного ночного пристанища, побрел не оглядываясь.

Юною содание, по-прежнему замерев у окна, взглядом провожала, удаляющегося парня. Она готова была протянуть руки, и сейчас, в последний момент, схватить, ладошкой сверху прикрыть к тротуару Слугу-муравья. Но тот ловко перепрыгнул через ладонь-барьер и ушел, не поднимая головы.

*За проблеском любви и откровения,
Приходит день молитвы как итог,
Надеждой отзовется Воскресенье,
Звезда его укажет на Восток.*

4

o oo ooo

Созерцая живописную акварелью, иную даль, где-то в приморском провинциальном городке, также расположившись у оконного полотна, грустила другая любимая девушка. Вечную женскую самодостаточность,

в чертах ее лица, по-взрослому убранный прическе, определяло что-то не от мира сего, не наше, иноземное.

За чистым кухонным столом, кротко поникнув, сидел симпатичный влюбленный муж.

То или из-за собранной дорожной сумки, также стоящей в проходе коридора, то ли из-за post штормовой прощальной дискуссии на повышенных тонах, между морально истощенной четой, стоял напряженный штиль.

- Ева, *верю я*, он же сказал, *все пройдет*, и у тебя все получится. Через пару месяцев вернешься.

- Да. У меня все получится. Пойдем. – Она, пытаясь сдержаться, тем не менее перешла на взрыв. - А я не верю, что у меня внутри что-то изменится...

*Под сенью куполов рождается Вера,
И боль, и радость вместе, но сперва,
Знаменем дастся в небе темно-сером,
Где ореол вокруг луны в честь торжества.*

*Светит лик иконы чудотворной,
Вокруг скрипит зубами темнота,
Так хочется закрыться на затвор, но
Гнетет тоской сердечной теснота.*

4

o o o

Разделы о пробуждении

Время, блуждающим бисером, рассыпалось по поверхности антиматерии. Слуга, с всевозможными и невозможными работягами, разного рода и возраста, с целью заработка успел наемно поучаствовать в сборе урожая, в каком-то коллективном хозяйстве, с тем же тавтологическим наименованием предводителя русской смуты.

Рука невидимой неизвестной музы, по-прежнему, изредка приукрашает, песчаной художественной ретушью, дополнительными штрихами естественные, бесподобные мотивы.

*Где же ты, мальчик в теннисных туфлях,
Который так весел и неплох собой.
Говорят, ты покинул свой родной город,
Говорят, потерял душевный покой.*

*Где же ты, мальчик в теннисных туфлях,
Может, тебя покорила рок-н-ролл.
Или у моря ты кушаешь фрукты,
Улетел в Голливуд за кинозвездой?*

5

ooo

Одним из вечеров, уставшие, немного чумазые работяги-муравьи, охотники за длинным рублем, разного возраста и мастей, бурно спорив, ужинали, закусывая мутное спиртное пойло, некрасивой едой, и недомытыми овощами и фруктами. Страждущее общество расположилось за низким самодельным столом, между панцирными ржавыми кроватями. Полупустая трехлитровая банка с белесым самогоном, главенствующей башней, возвышалась над остатками неопрятной «поляны». На черно-белом экране, стоящего в углу телевизора, транслируется программа вечерних новостей. Голос ведущего периодически прерывался шипением и бухтением старого электронного ящика.

*Двести двадцать холодных вольт –
Система надежна, она не откажет.
Вечер не даст ничего – программа все та же.
А люди едят – им хорошо.
Это век электрических наслаждений.*

*Мне предлагают электрошок,
Но я предчувствую пробужденье.*

6

В хмельном воображении, чумадые охотники за счастьем, преобразились то ли в апостолов, то ли в римских легионеров, рыцарей крестоносцев, тамплиеров, прочих джентльменов удачи, под прогоревшим самодельным газетным абажуром.

К действительности их возвращает телевизионное информационное сообщение, документальные кадры московских событий августовского путча. Некоторые спорщики-соседи, даже не донеся свою граненую рюмку до логического гастрономического финала, задерживают внимание на сюжетах программы новостей, затем продолжают пьянку, прения о деньгах, о славе, прочей хрени...

*Оставьте меня – я живой!...
Я буду думать своей головой...
Я не хочу называть героев...
Я не хочу говорить о крови.*

6

Один здоровенный работяга, из ужинающей компании, костюмированный фантазиями Слуги, в белоснежную тунику врачевателя, встал, немного пошатываясь. Левой рукой, размахивая скальпелем, поднял, в правой руке, мензурку с кровью, произнеся тост.

- Власть... Деньги... Каждому свое... -
Врачеватель-работник мудро показал скальпелем в сторону телевизора. – Но, я пью за здоровье.

Конечно же, компания возгласами поддержала тостующего, синхронно, залпом опрокидывая свои «граненые бокалы».

Озабоченные итогом состоявшегося тет-а-тет секретного разговора, девушки допивали, уже давно остывший холодный чай. Домашний мамин халат подчеркивал миниатюрную фигуру Веры.

- *Такие вот дела.* - Немного помолчав, всхлипнула нежданная поздняя гостья.

- Надя, не волнуйся. Я его испод земли достану.

oo

Глава. Сон

Пьянящие трапезники, заснув, симметрично лежали вокруг круглого стола, напоминая лепестки безобразного цветка.

Слуга проснулся, медленно, не вставая с кровати, присел, спросонья оглядывая удручающую картину последствий бурного застолья. Телевизор, без эфирной трансляции, тихо шумит в углу. Пустая допитая трехлитровая банка, как некий идеализированный магический пузырь, одиноко стоит по центру стола, среди грязных вилок, ложек, хаотично раскиданных объедков.

*Когда уходит любовь,
Когда умирают львы,
И засыхают все аленькие цветки.
Блудные космонавты
Возвращаются в отчий дом,
Она приходит сюда
И ест клубнику со льдом.*

7

Полуночник заметил, что из отражения банки, прилипнув к внутренней стороне стекла, на него пристально смотрит, черноокая безобразная женщина,

седовласая блондинка без грусти и возраста. Он наклонился к полукруглой прозрачной стенке, вглядываясь в мерзкое лицо. Женщина, не отрывая взгляда, тоже внимательно рассматривала истца.

- Не боишься меня? - прозвучал из банки монотонный, холодный, но молодой голос.

*Она закрывает глаза,
Она шевелит губами,
Она разрешает смотреть,
И даже трогать руками.
Каждый готов согреть
Ее своим теплом,
Но она не любит мужчин,
Она любит клубнику со льдом.*

7

- Ты, кто? - Не удивился Слуга собственному спокойствию.

- Эльза.

- Мечта?

Лицо женщины немного отдалилось внутрь от стекла банки, претворившись, стало красивым светлым образом юной девушки.

- А ты, действительно Мастер. - Скромно приятно улыбнулось видение.

- Чья?

Девушка, по-прежнему, не отводя глаз от упряма, как рыбка в аквариуме, красиво, спиной назад, отплыла внутрь банки, маленькой полуобнаженной феей, немного прикрытая парео в виде денежной банкноты.

- Его. - Она мимолётом рукой показала на соседа, спящего справа.

- А его? - кивнул Слуга, в сторону соседа, спящего слева.

Улыбка Мечты стала еще открытие и приятнее. Девушка, теперь дюймовая, парила в банке обнаженная.

- Еще не наигрался? Скучно тебе здесь, и грустно.

- Недосыгаемая? - продолжил неугомонный реплику о соседе слева.

Она, игриво отплыла еще дальше, вглубь к противоположной стороне пустого пузыря. Неожиданно, резко с разгона, налетев к смельчаку, разбиваясь о внутреннюю сторону стенки банки, устрашающе вскрикнула.

- Смерть!

Пятном крови Мечта медленно сползла по стенке сосуда.

*Кто-то делит с ней хлеб,
А кто-то в поте лица,
Обливает грязной водой,
Тело ее из льда
Слезы текут с потолка,
Тает фруктовый дом...
Приятного аппетита всем,
Кто любит клубнику со льдом!*

7

Слуга заметил, что банка закрыта грязной капроновой крышкой.

- Кто же тебя закрыл? - пластик упруго поддался крепким пальцам.

Небольшая Мечта вылетела из банки, делая сальто-мортале над столом, подлетела к лицу парня.

- Тот, для кого недосыгаемая.

Она, улыбаясь, поцеловала вызволителя в щеку, и игриво вращаясь, улетела вверх, испарившись.

Заснувший, от поцелуя, Слуга, обратно откинулся назад на кровать.

oo

На следующий день, после выполненных сельскохозяйственных работ, бригада грязных работяг, соседей Слуги, весело теснилась возле конторской кассы, получая заветную оплату труда. Тот, отходя от осчастливливающего окна, грязными руками засовывал пачки денежных купюр, с изображением потертого образа уже не вечного советского лидера, в карманы пыльных рабочих штанов.

Один из вчерашних соседей-спорщиков, спавший ночью справа, осчастливленный выданным заработком, подошел к Слуге, по-простецки толкая его в плечо.

- Чего грустишь, от такой, цельной горы «коврижек»?

Не очарованный, перспективой материальных благ, Слуга, скучно ухмыльнулся в ответ.

o

Вечером того же дня, усталый Слуга, вместе с соседским стариком, разговорившись засиделись на деревенской приоконной лавке, возле общежития. Рассуждали о природе..., о времени..., детях....

Воображение поражал красно-синий багряный закат размазанными гигантскими кляксами облаков. Высоко в небе, улетающие намалеванные, фантазией, птицы затевали таинственный пророчащий прощальный маневр, зигзагообразный символ. Недалеко в поле, усталые труженики, каким-то образом, странно гармонируя с небесными пилигримами, начинали хореографическую колыбель. Из окна, раскрытого над сидящими собеседниками, доносились звуки тарана

стаканов, гула голосов ужинающих добытчиков денег, вперемешку с голосом телевизионного вещателя.

- События августа девяносто первого года станут одними из переломных событий, которые дадут толчок переменам и беспорядку.

- Что же будет дальше? - Слуга задумавшись, то ли вслух, то ли про себя, все же заботился извечным, почти риторическим вопросом. Ни знания, ни умения, ни, даже, воображение не лишало его радости мысли. Ни качество, ни количество, ни структура, ни, даже, скорость мысли не отдаляет нас от древних, средневековых, современных и будущих искателей.

Лишь молчаливое созерцание старца, хранит извечную успокаивающую стабильность.

*Смотри, как Август падает с яблонь,
Это жатва, это Сентябрь.
Омытый дождем берег птицами отпет.
Из вереницы траурных дат этот день,
Только этот день,
Плачет...*

*Смотри, как ветры собирают в стаи
Самых усталых,
Как поднимают
И кружат над Распятием листья,
Смотри, как лес полыхает
И медленно гаснет.
Это Сентябрь...*

8

Фантазии Слуги, наполнились ретушированными пейзажами почти осеней природы, вперемешку с панорамами церковных куполов, заводскими производственными мотивами своего города. В воображении, старик постепенно становился эдаким

высоким сильным горбатым Лешим, в холщовом одеянии балахоне, расправившим руки, подняв кверху ладони, мощно вдыхая ветреный воздух, медленно кружась, созерцая медитирующим, сливаясь с Матерью Природой. Пешие труженики красивым ритуалом подыгрывают демоническому действу.

*Осеннее солнце - гибель-сюрреалист,
Осеннее солнце - жатва,
Осеннее солнце листьями падает вниз.
Весна будет когда-нибудь завтра.*

8

- Я немного повидал в своей жизни. *Мой рок* для меня приготовил..., и войну..., и голод..., и обман. Я и буянил..., и трусил... - слышалось Слуге.

Старик замер, не отрывая взгляда от линии горизонта, даже не шелохнувшись.

*Смотри, как кровью дурманит болота
Кикимора-клюква,
Как ведьмы-вороны,
Тревожат день вознесенья,
Смотри, как в саван -
Туман наряжает озера,
Как стелет звезды по самой воде
Поднебесье.*

8

- Но я никогда не видел море... - опять услышал молодой собеседник.

Он получил ответ на свой вопрос. Он пошел собирать вещи.

o o o

Со всеми попрощавшись, Слуга приблизился к Мудрецу, по-прежнему сидящему под окном, выгреб из карманов заработанные в колхозе деньги, почти все сложил недоумевающему Старцу в руки.

- Отец, ничего не говори, съезди к детям. - Истец сжал полные денег ладони старика, улыбаясь, отступил и ушел.

С сумкой за спиной, пошел по грунтовой дороге, через пустые поля..., сквозь полные высокие поля..., мимо светящихся уборочных машин..., против странной текущей мглы.

Осеннее солнце уже зашло.

Бисер приобрел темный цвет.

Смотри, как ветви и тени деревьев

Ложатся на травы,

Как кружит души над куполами

Звон Благовеста,

Как поминают вином и хлебом,

Как провожают лето.

Осеннее солнце - гибель-сюрреалист,

Осеннее солнце - жатва,

Осеннее солнце листьями падает вниз.

Весна будет когда-нибудь завтра.

8

Включив свет в одинокой серой комнате, Старик медленно положил деньги на стол, достал из облезлого серванта пожелтевшую фотокарточку. На небольшом выгоревшем фото, была изображена компания смеющихся детей и внуков, смелых и рьяных будущих мастеров и магистров литературы и музыки.

- Щедрости я тоже видел не много.

o o o o o o o o o o o o o o

Поздно ночью Слуга остановился на небольшой одинокой железнодорожной станции. У потресканной, замазанной приемной стойки пункта связи заказал междугородний телефонный разговор с семьей.

- Иосиф! Мама разговаривала с братом..., да, тот самый, с которым ты когда-то дрался. В Феодосии ждут тебя, устроят работать сторожем в какую-то гостиницу, отель... - Отец Слуги, громко, немного смущенно, но, тем не менее, обрадовавшись, кричал в трубку. Связь прервалась.

Слуга остался доволен короткой беседой. Не от того, что его ждет непредсказуемая поездка к Черному морю. А от вновь полученного им осознания ожидаемых новых будущих ценностей, искренней поддержкой близкими ему людьми, при любых обстоятельствах.

*Ты вновь с нами мальчик в теннисных туфлях,
И гитара твоя всегда под рукой.
И мы будем петь твои блюзы и баллады,
Их лирика манит нас за тобой.*

5

- Значит Богом данная.

o o o o o o o o o o o o o o o o

- Феодосия... - Ева задумчиво сложила, только что купленный железнодорожный билет в маленькую женскую сумку, отходя от кассы крупного центрального вокзала. - Домой...

Курс лечения закончился. Она, тоже, стремилась быстрее уехать в маленький родной приморский город.

o o

воды, зеркально отражая блеск уличного освещения и рефлектируя редкому свету ночных окон.

По пустой феодосийской дороге, расплющивая небольшие лужи, медленно едет легковой автомобиль. На заднем сидении, не отрывая взгляда от стекающих по боковому стеклу капель дождя, неподвижно сжался, промокший тринадцатилетний мальчишка - блудный племянник Слуги.

- Малыш, на днях к нам приезжает родственник. Серьезный человек, мастер своего дела... Эти уходы из дома должны закончиться. - Будущий радушный хозяин, тот самый обидчик Слуги, устало управляя транспортным средством, уже не ругает сына.

Как славно мог бы, этот ночной дуэт, тихо затянуть хорошую песню.

*Но теплый дождь не бьет в стекло
Мокрых карет,
И электронные табло
Смотрят мне вслед,
Домов кварталы спят давно,
Видят сны,
И смотрит вновь в мое окно
Тень слепой луны.*

9

o o o

Сидя куняя, за боковым местом, полупустого плацкарта, Слуга также поглядывал, на стекающие, по грязному стеклу окна, капли дождя.

*Не люблю тёмные стекла,
Сквозь них тёмное небо.
Дайте мне войти, откройте двери.
Мне снится Чёрное море,*

*Тёплое Чёрное море,
За окнами дождь, но я в него не верю.*

10

Порывшись в сумке, он случайно нашел незаметную поклажу Нади - маленькую вязаную шапочку. Вспомнил, как девушка, стремясь быть не увиденной, что-то прятала дома в его дорожную сумку.

*И я попал в сеть,
И мне из неё не уйти,
Твой взгляд бьёт меня, словно ток.
Звёзды, упав, все останутся здесь,
Навсегда останутся здесь.*

10

Он любуется мысленно подкрашенными, проклятой акварелью, а может быть, уже другими красками, ретушью, пробегающими в окне пейзажами.

Рассматривает соседней пассажиров.

Что-то рисует. Записывает в блокнот... Наверное стихи.

Кто-то, в душной и унылой пустоте, подозрительно поглядывая исподлобья, поглощает, не вынимая из потертого пакета, пищу.

*В каждом из нас спит волк,
В каждом из нас спит зверь,
Я слышу его рычание, когда танцую.
В каждом из нас что-то есть,
Но я не могу взять в толк,
Почему мы стоим,
А места вокруг нас пустуют.*

10

Другой толстокожий ханжа, из соседнего купе, многозначительно напыжившись, демонстрирует свою нелепую самодостаточность.

Подвыпившая третья компания, дискутирует с брызгами слюны изо рта, напоминая о небезызвестных, *вагонных спорах*, воспетых одним из магистров музыки.

Плацкарт не отапливается, и поэтому народ начинает укрываться и укутываться, заворачиваться в сырые слежавшиеся вагонные одеяла. Некоторые места, холмиком таких накрытых покрывал, начинают напоминать про скукожившихся под ними дремлющих и спящих «мерзлячков».

За окном взошла полная луна.

○

В полутемном вагоне, сонная публика, напоминает завязших захмелевших пчел. Лишь только ненасытная молодая третья компания, за недоеденным столом, негромко беззаботно поют песни, но уже не так громко.

Толстокожий ханжа, то ли из-за своей напыженности, то ли по какой-то другой причине, тоже не может заснуть. Думает о чем то.

*Я сам себе и небо и луна,
Голая, довольная луна,
Долгая дорога, да и то не моя.*

*За мною зажигали города,
Глупые чужие города,
Там меня любили, только это не я.*

Зона ожидает напряженно, родниковая.

11

Состав останавливается. Командирша проводница бестолково деловито сообщает об, и так

всем известном привычном, опоздании поезда, и возможно, недлительной остановке.

Какие-то новые пассажиры, пьяные путники, сумочные торгаши хаотично карабкаясь, залазят в вагон, наперегонки забегают в салон, толкаясь ношами, садятся на свободные места.

Наблюдая за происходящим, Слуга вышел на перрон, проталкиваясь через «новых русских» пассажиров, мимо «разводящей» проводницы, отходит от вагона поезда остановившегося на темной, но многолюдной, очевидно узловой станции. В осеннюю подмерзшую ночь, воздух уже холодный, поэтому парень, надевает приготовленную Надей, вязаную шапочку. Отдаляясь от толкотни, перешел через соседние пустые железнодорожные пути, на свободную платформу. Одинокó курит, поглядывая на перемещающиеся тени, под стабильным лунным освещением и мерцающим тусклым привокзальным фонарем.

*Я сам себе и небо и луна,
Голая, довольная луна,
Долгая дорога, незнакомая.*

*Меня держала за ноги земля,
Голая, тяжелая земля,
Медленно любила, пережевывая.*

*И пылью улетала в облака,
Крыльями метала облака
Долгая дорога, незнакомая.*

Зона ожидает напряженно, беспросветная.

11

o

Дома, Надя, воодушевленная нехорошим предчувствием, нерешительно, без знания дела, становится на колени, перед маленькой картонной иконой, поставленной на низкую полочку книжного шкафа. Неумело сложив руки, она начинает молиться.

Что-то резкое, аритмичное произошло у темных вагонов. Создается впечатление, что мелодичную песню прервал грубейший речитатив.

*Псы с городских окраин
Есть такая порода.
С виду обычная стая,
Их больше от года к году.*

12

Толкотня «новых русских» пассажиров, у входов в вагоны, переходит в ссору и звериную ругань. Тени-собаки начинают хаотично метушиться. У мрачного состава поезда поднимается лай и вой.

*У них смышлёные морды
И как у нас, слабые нервы.
Но каждый из них такой гордый
И каждый хочет быть первым.*

12

Соревновательное карабканье переходит в bestолковое побоище. Какие-то серые тетки, без пола и возраста, побросав свои торбы и сумки вцепились друг другу в космы.

Они собираются в стаи,

*Еще не зная, что делать.
Может просто полают,
А может кого-то заденут.*

12

Мужики-кобеля, разнимая своих и чужих спутниц, тоже начинают биться. Собачье рычание, шум, вой, мат заполнили звуковое пространство станции.

*И ушки у них на макушке,
Ты шепчешь – они слышат.
Улица – не игрушки,
Здесь учащенно дышат.*

*А в этом месте
По-другому не прожить.*

12

Редкий путник, нежелающий участвовать в потасовке, отошел от своры, став возле Слуги, на соседней платформе.

- М-да... грустно наблюдать за деградирующим уходящим сообществом..., особенно, будучи одним из его составляющих...

*И тот случайный прохожий,
Что вечером жметя к стенам
Днем им вряд ли поможет,
Разве что бритвой по венам.*

12

Неожиданно состав поезда медленно, без предупреждения станционного предсказателя, начинает движение. Остановка, действительно, оказалась не долгой. Путники, сквозь свору дерущихся собак, быстрым шагом направились к своим вагонам.

Некоторые шавки, поджав хвосты, разбежались в разные стороны, при виде приближающегося,

перескакивающего рельсы парня. Он попытался быстро обойти сцепившихся, метающихся, рычащих псов.

*И все у них в порядке
Есть кобеля, есть суки.
Первые ходят на блядки,
Вторые рожают в муках.*

12

Резкий удар из тьмы, кулаком в лицо, сбил с ног Слугу. Другой незадачливый пассажир носком сапога добил поднимающегося парня в живот. Сверху, по макушке, сокрушился удар каким-то тяжелым предметом.

*А в этом месте
По-другому не прожить.*

12

Слуга, отскочив в сторону, что бы подняться, наугад наотмашь размахивая кулаками, по наглым собачим теням, допрыгнул до движущегося состава, вскочил на ходу, в уже не свой, а один из последующих вагонов. Сквозь рассаживающихся по вагону новых везунчиков-бродяг, переступая огромные сумки, через темный шатающийся подозрительный тамбур, отряхиваясь, направился к своему предшественному вагону, по ходу поезда.

*А те, что становятся старше
Незаметно уходят,
Им просто становится страшно,
Они устают от погони.*

*У стаи все тверже мышцы,
Сомнений все меньше и меньше,
Движенья становятся резче,*

Поступки становятся жестче.

*А в этом месте
По-другому не прожить.*

12

В свободном вагонном грязном туалете, Слуга умылся от кровавых последствий буйной остановки, рассматривая себя в зеркале. Снял, прикрывавшую голову, разорванную шапочку, которая смягчила последний удар по голове, отряхнулся. Под правым глазом назревал смачнейший синяк.

*А по утрам им хочется плакать,
Да слезы здесь не в моде.
К черту душевную слякоть
Надо держать породу.*

*Надо угробить время,
Чтоб вечером снова быть в форме.
Взвоят псиное племя,
Значит снова все в норме.*

12

Подмятый он подошел к своему боковому пристанищу. Но его место в плацкарте занято милейшим закутанным квартетным семейством, по-свойски рассевшимся на разложенном месте. Детки, съезжившись, глазами-бусинками рассматривали утихающих пассажиров.

- Кто раньше встал – того и тапки. - Проводница деловито поглядывала из-за плеча.

- В моем случае наоборот.

- Иди, присядь возле кого-нибудь. Я, сейчас, что-нибудь придумаю. Придется опять спать сидя.

А в этом месте

Даже не забрав свои вещи, пройдя немного по ходу движения, через одно купе, Слуга скромно с краю присел на нижнее место, возле одного из холмиков свернувшихся одеял. Там кто-то небольшой и тихий. Ни храпа, ни вдоха, ни запаха. Слуга сел, ровно опершись о перегородку плацкарта, пытаюсь успокоиться, замедляя амплитуду дыхания, закрыл глаза.

Кто-то небольшой и тихий, во сне, постепенно уютно выпрямляясь под одеялом, по-женски засунул во сне носки ног под сидящего рядом спутника. Приятные флюиды невидимой волной заполнили душевный вакуум.

Рядом был неизвестный близкий человек. Слуга, заботливо укрыл пригревшиеся ноги неизвестного создания, и мирно заснул.

o

- Остановка!

От крика проводницы, резкого торможения поезда люди начали просыпаться. Слуга, потягиваясь, оглянулся на новобранное пассажирское общество. Лучи солнца, медленно пересекающего границу горизонта, насквозь просветили вагон.

Аккуратно протирая рукой сонные глаза, один из которых отличился пурпурной, спектральной отметиной, придерживаясь о перегородки и спальные полки плацкарта, парень побрел в залитый солнцем потертый тамбур.

Невозможно налюбоваться осенним крымским степным пейзажем под еще низким гигантским Светилом. Даже одинокое облезшее станционное строение гармонично вписывается в выцветшую

обмерзшую блестящую прерию. Чистое небо, сквозь вспышки отблесков солнца, голубизной отражалось в кусках разбитых стекол, контрастных окон степного вокзала.

Время остановилось.

o

- Скоро море.

Приятная тридцатилетняя девушка, неслышно, незаметно зашла в светлый тамбур вагона. Став за спиной Слуги, она, сквозь его засвеченный контур, тоже любовалась скупыми выгоревшими степными красками, прореженными лоскутами плавающих ледяных корок краев луж.

Человек мельком взглянув на нее, надолго запомнит этот образ, освещенный яркими глубокими глазами, пронизанными утренними, почти горизонтальными лучами, ясной, светлой, легкой улыбкой, отражающей неугомонную звонкую солнечность.

Поезд тронулся.

Ева направилась обратно, в вагон.

o o o o o o o o

Слуга еще немного, в непонятной воодушевляющей прострации, посмотрел вдаль, закрыв дверь вагона, пошел в салон плацкарта, присев на свое ночное место.

*Солнца свет и сердца звук,
Робкий взгляд и сила рук,
Звездный час моей мечты,
В небесах.*

13

Погода изменилась. Небо затянулось светлой серой пеленой, с отдельными темными перьями небольших быстрых облаков.

Ева одна из первых вышла на платформу, аккуратно ступая по знакомым переходам, перепрыгивая тротуарные плиты и подмерзшие лужи, быстро, сквозь порывистый ветер, направилась домой.

Безотказный Слуга, грустно созерцал уходящую незнакомку, послушно помогая провинциальным импозантным, поэтическим старушкам, своему судьбоносному квартетному семейству, вынести из вагона неподъемную кладь.

Холодный приморский ветер, контрастно встречая прибывших укутывающихся странников, как опавшие скрученные листья, поддувал по разные стороны вокзала.

Стоя на пустынном перроне, разглядывая незнакомый феодосийский вокзал, Слуга не спеша одел, приглаживая и поправляя, подряпанную вязанную Надину шапочку.

- Ваши документы?

К чудаковатому гостю, с подбитым затененным глазом, в рваном головном уборе, с развивающимися на ветру потрепанными нитками, незаметно подошел дежурный патруль милиции. Дуэт блюстителей оглядывал пришельца с угрожающей серьезностью. Тот достал документы, передал сине-сиреневому, превысившему стандарты склонности к полноте, ехидно улыбающемуся стражу. Внимательнейший «мусорок», сморщив лоб, деловито длительно изучил документ, ничего подозрительного не заметив. Приветственная улыбка медленно исчезла с его круглого лица.

- Пройдемте. - Грозный баритон преобразился в расстроенный дискант. - Прочему у тебя вид такой..., странный..., неопрятный?

*- Муха - источник заразы, -
Сказал мне один чувак.
Муха - источник заразы?
Не верь это не так!
Источник заразы - это ты.*

14

Трио направилось в дежурное отделение милиции. «Мусорок», с недоверием, неугомонно, поглядывал на приезжее насекомое. Следующий сержантствующий мент, более менее равнодушно, ступал рядом.

*Муха моя как пряник -
Толстая и блестит.
Муха моя как пряник,
Имеет опрятный вид.
Не то, что ты -
Источник заразы.*

14

oooo ooo oo o o o o o o oo ooo oooo

В отделении милиции длительный допрос, дежурным майором милиции, приезжего чужеземца, закончился аподиктической дискуссией. Представитель органа дознания спокойно курил в сторонке. Слуга, сидя за пустым столом, наблюдал за хладнокровной реакцией философствующего правоохранителя.

*Сколько тебя кормил я -
Ругань одна в ответ.
А скольких мух убил я?
Несчастных на свете нет.
А ты все жива?!
Источник заразы!*

*Вместо мухи прихлопнуть
Надо было тебя.
Прихлопнуть, прищелкнуть ногтем
Но пожалел я тебя,
Источник заразы.
А зря! Источник заразы.*

14

В ходе диалога, выражение лица допрашиваемого собеседника, приобрело оттенок уважения, солидарности и взаимопонимания. Майор встал, задумавшись, посмотрел в окно.

- Относительно долго, мы еще будем наслаждаться плодами деградации не только функционеров представителей власти, но и наблюдать за прогрессирующими, и без того уже потемневшими, нашими маргинальными ценностями. – Он закрыл журнал допроса, молча, вышел из кабинета.

Слугу конвой завел в пустое помещение «обезьянника», громко захлопнув ним дверь.

o o

Благодаря стараниям двоюродного брата, представителя другого, «комитетского» органа власти, несправедливо заключенный Слуга, через час уже вдыхал свободный приморский воздух, любясь светлой природой. Родственный спаситель и его блудный сын, ожидали на привокзальной площади. Мальчишка, немного в стороне, исподлобья поглядывал на чудного, непонятого талантливого дядю, с подбитым затененным глазом, в рваной шапочке, со смешно развивающимися потрёпанными вязальными прядями. Он, стесняясь быть замеченным, отцом и странным гостем, отвернулся, растягиваясь в детской улыбке.

- Здравствуй, Иосиф. - Мамин племянник, с серьезным деловым видом, пожал руку Слуге, нравоучительно поглядывая на зубоскалящего смущенного сына. Но он тоже, чтобы не засмеяться в лицо, отвернулся, сдерживая гримасу.

Одновременно ощутив комичность ситуации, компания синхронно взорвалась громким залпом смеха.

оооооо

Одним из вечеров, сидя за маленьким квадратным столом, в своей рабочей пансионатной сторожке, Слуга делал «кайтар», согласно местных традиций, «женил» заварившийся чай.

В углу комнаты работал старый, казенный телевизор.

*Трудно стоять на тонких ногах.
Загнанный в угол четвероногий,
Испуганно ждет щелчка
В уютной чужой берлоге.
Эй, там, на кухне, закройте дверь!
Пахнет паленым, хочется ветра.
Полированный стонет зверь
В чьих-то квадратных метрах.*

*Оставьте меня – я живой!
С вами говорит телевизор.
Я буду думать своей головой.
С вами говорит телевизор.
Я не хочу называть героев.
С вами говорит телевизор.
Я не хочу говорить о крови.*

6

В передаче программы транслировались океанские эпизоды, с огромными китами, выпрыгивающими из воды, с плеском падающие обратно.

- Некоторые исследователи предполагают, что с помощью шума, возникающего при падении в воду, кит общается со своими товарищами, он как бы говорит им: «Эй! Вы все слышите? Я здесь!» А может быть, киты выпрыгивают из воды, чтобы получше оглядеться вокруг. Или они, таким образом, стряхивают надоедливых паразитов, живущих на их коже...

- В Черном море нет китов... - В дверь комнаты незаметно заглянул Мальчишка. - А мы опять поссорились... Можно зайти?

Слуга, обрадовавшись нежданной встрече, налил пиалу чая, приглашая гостя за стол.

- А ты опять бездельничаешь? Заходи.

- Говорят, незваный гость хуже татарина. - Юнец нерешительно зашел в комнату, рассматривая, подняв восточную пиалу с чаем.

- Еще неизвестно, кто у кого в гостях. Ты знаешь, люди ссорятся, потому что не готовы понять друг друга. Хотя, чтобы договориться, иногда, даже, не требуется речи.

- Это как? Жестами что ли?

- Речь - это данный нам, всего лишь, один из способов, передачи информации. И, кстати, именно с помощью речи, разжигаются конфликты и ссоры. То, что можно использовать во благо, человечеством используется во вред.

- Заставь дурака Богу молиться - он и лоб разобьет. - Задумчиво рассуждая подытожил подросток.

Слуга, одобряюще оценивая, посмотрел на Мальчишку.

- Это, точно. Хотя, и жесты, могут быть выразительными. Умение говорить о многом, не произнося не слова, известно испокон веков. А в изобразительном искусстве, вообще существует такой вид сценического мастерства. Называется - пантомима. Движения, жесты такого артиста настолько выразительны, что могут взволновать или рассмешить зрителей, создав перед ними разные характеры и истории. Представляешь, без единого произнесенного слова.

Мальчишка, с интересом заслушавшись, смутился, когда заметил на себе взгляд Слуги.

- Да ты видел, таких мимов, с набеленным лицом.

- А под смешной маской, такого человека, могут быть слезы и обиды. - Опять же задумчиво рассуждая, прокомментировал юнец.

- И даже страх... Представляешь, ходит среди нас, на публике, такой, как будто веселый безобидный человечек, и мы можем только догадываться, какие эмоции он испытывает, какие слезы проливает по ночам.

- А женщины? - Мальчишка вспомнил образ всхлипывающей, одинокой, тихо плачущей мамы, которая стесняясь быть увиденной сыном, аккуратно вытирает подтеки у глаз.

- С женщинами..., сложнее.

Почему-то, в воображении Слуги предстал образ Евы. Он подробно в памяти отразил ее иноземные черты. Взгляд... Улыбку... Ему даже казалось, что он знает..., любит..., ее, ...манеры, ...походку. Он задумался, как она с легкостью перепрыгивала через тротуарные плиты, подмерзшие лужи, поддуваемая ветром.

*Она идет по жизни смеясь,
Она легка как ветер,*

*Нигде на свете,
Она лицом не ударит в грязь,
Испытанный способ решать вопросы.
Как будто их нет,
Во всем видеть солнечный свет.*

15

Ева, мило общается, что-то рассказывает в искреннем монологе, воодушевленно рекомендуя близким и незнакомым людям.

Слуга бродит у моря, наблюдая, ходит по осеннему городу, в горах, любит Солнцем. Действие перешло в сольный гибкий танец Слуги. Казалось, что она мерещится, воплощая его выпады и поддержки.

Художественная ретушь песком, Sand Art, красивыми мазками и штрихами подчеркивала крымские пейзажи.

ooo oo o

ooo oo o

ooo oo o

Весь ноябрь, Слуга и Мальчишка, обсуждали найденное старое учебное пособие по пантомиме. Племянник разучивал, отдельные специальные приемы пантомимы, определенные беспредметные действия.

- Дядя Иосиф, ну как, мастерски у меня получается?

- Ты знаешь, неплохое начало. Но, даже освоив исполнительскую технику, старайся развить в себе навыки самостоятельного творчества, принести что-то свое, новое. – Слуге тоже нравилось заниматься с подростком.

o

После очередной ссоры с категоричным мужем, заплаканная Ева, надевая пальто, выбежала из квартиры. У них ничего не получается.

*Она идет по жизни смеясь,
В гостях она, как дома,
Где все знакомо.
Удача с ней и жизнь удалась.*

15

Она бежала по пустому городу, замедляясь, немного успокоившись, вышла на шумную, почти зимнюю набережную. Опустив голову, задумавшись, побрела влажным тротуаром.

*И без исключения,
Все, с восхищением,
Смотрят ей вслед,
И не замечают,
Как плачет ночами,
Та, что идет по жизни, смеясь...*

15

Слуга, одиноко заканчивая сольные прогулки, шел навстречу.

Ева, вытирая заплаканные, но уже сухие глаза, оказалась возле него.

Они случайно тихонько столкнулись лицом к лицу.

○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○ ○

Зима была теплой.

○

От автора

С целью изменения характера повествования, подобно некоторому руководству Хулио Кортасара, возможно изменение последовательности изложения частей истории – Приземление, Взлет. Ниспадение.

o

Часть. Взлет. Ниспадение

Слуга проснулся.

Открыв глаза, щурится от яркого солнечного света.

Ева, задумчиво любясь небом..., морем..., природой..., сидит рядом. Аккуратно рассыпая, просеивая из ладони, рисует пляжным песком, напоминая движениями руки технику изобразительного искусства Sand Art.

Они расположились, с краю городского пляжа, между благоустроенной набережной и морем. На расстеленном покрывале, лежит женская сумка Евы, испод нее торчат перевернутые раскрытые книги, которые пара читает на прогулках. Герман Гессе. «Игра в бисер». Хулио Кортасар. «Игра в классики».

Теплое майское солнце, уже высоко поднявшееся над морской линией горизонта, рыбьей чешуей, блеском отражается на дребезжащих волнах.

Слуга, лежа, не шевелясь, разглядывает, как Ева рисует песком.

- Sand Art у тебя красиво получается.

Она улыбнулась, увидев, что он уже не спит.

- Проснулся.

- О чем, ты, думаешь?

- Майские праздники начинаются... Говорят, что из-за перемен и беспорядка в стране, не будет ни парада, ни салюта. А так хочется весеннего праздника.

Слуга молча, улыбаясь в ответ, тихонько поцеловал её в руку.

Высоко в небе, неслышно, оставляя благородный шлейф, набирая высоту, поднимается самолет. Далеко в море, как светлые призраки, дрейфуют вечные туманные спутники – корабли.

- Йозеф..., мне хорошо..., рядом с тобой... - она начала напевать.

*Сколько в моей жизни было
Этих самолетов
Никогда не угадаешь,
Где же он не приземлится,
Я плачу
За эти буквы и цифры,
Улечу
На этом кресле прямо в новости,
Давай
Я позвоню тебе еще раз -
Помолчим,
Поулыбаемся друг другу...*

16

Слуга закрыл глаза.

Ева босиком, по песку, по гальке, у моря танцевала красивый одинокий пластический контемп.

*Я пытаюсь справиться
С обрушившимся небом.
Я никак не слабак,
Но тут такие перестрелки.
Я молчу.
Белеет парус одиноко.*

*Дурачок,
Он ничего не понимает.
Корабли
Имеют сердце и возможность выбирать
И погибая улыбаться.
Мы с тобой
Еще немного и взорвемся...*

16

Где-то вдали, со стороны гор, начал надвигаться грозовой фронт. Высь над морем, со стороны солнечного востока, по-прежнему ясная. Как Даосская монада, делится небосвод на две выразительные части, противостоящие друг другу на едином полотне Творца.

- Ева, я не могу быть с тобою не искренним. Я не готов обнадеживать, обманывать тебя.

*Жаль,
Но я никак не научусь остановиться.
Разгоняюсь, загоняюсь,
Как отпущенная птица.
Хорошо,
Я буду сдержанною взрослой.
Снег пошел
И значит что-то поменялось.
Я люблю
Твои запутанные волосы,
Давай
Я позвоню тебе
Еще раз помолчим...*

16

- Странный ты. Играешься человеческими чувствами, эмоциями..., собственными эмоциями. Это же тебе не бисер... Чего ты хочешь?

Люблю

*Твои запутанные волосы
Давай...* 16

Если б мне такие руки... 17

*Я позвоню тебе еще раз
Помолчим* 16

Руки как у великана... 17

*Люблю...
Люблю...* 16

*Я б сложил их
На своих коленях,
Сам сидел бы тихо,
Тише вдоха, тише камня.* 17

Действие вымышленной реальности, воплотилось в воображаемое сценическое представление. Гигантский, медленный, неповоротливый, но ласковый Слуга, сидя на берегу, аккуратно поднимает на ладони танцующую Еву.

Малёванные птицы в небе сделали таинственный прощальный маневр.

- А ты про нас подумал? Я уже обманываю... Обманываю мужа, семью, себя наконец... Ты..., ты готов идти куда угодно..., на край света..., через вселенную...

*Если б мне такие крылья,
Чтоб несли меня по свету,
Ни минуты не колеблясь,
Я бы вырвал их
И бросил ветру,
Бросил ветру.* 17

Весенняя трава, молодые ветви кустов красиво обвили ноги, колени Слуги-великана... Легкий веселый бриз, чудаковато треплет края, обрывки рукавов, светлого мешковатого балахона гиганта.

*Если б мне глаза такие,
Чтоб все видели,
Преград не зная,
Я б закрыл их плотно-плотно,
Сам сидел бы тихо,
Головой качая,
Головой качая.*

17

Слуга напомнил огромную театральную тростевую куклу. Порывы ветра периодически, как паруса, надувают его свободную сорочку. Иногда, кажется, что он вот-вот взлетит. То ли рваные лоскуты одеяния, то ли длинные тополя-кипарисы, скрыли, почти невидимые, подрисованные ретушью трости к рукам кукольного Служителя-великана. Создалось впечатление, что снизу, на пирсе, на набережной поддерживают, управляют и любуются этим гигантским сидящим гапитом люди, которые, так или иначе, внесли свою лепту в палитру формировавшегося сознания, судьбы человека - знакомые и незнакомые ему люди..., какие-то зеваки..., равнодушные прохожие...

Среди них, с замиранием, наблюдала младшая сестра, маленькая Вера, только что приехавшая в Феодосию, для семейного разговора из-за Нади.

Возле светлого здания, раскладывая вещи, готовился к выступлению родственник Мальчишка, жаждущий впервые выступить с номером пантомимы, на праздничной набережной.

Происходящее действо отразилось в капающей слезе Евы.

*Если б залилась ты смехом,
С ветром косами играя,
Я летел бы вслед за эхом,
Дивный голос догоняя,
Догоняя.*

17

Но пара утомлено сидела на валунах, созерцая блестящее море.

Ветер усилился, предвещая смену погоды. Начался редкий слепой дождь. Море, вплоть до горизонта, своеобразной перспективой, по-прежнему солнечно блесло. Редкими темными пятнами, от крупных капель дождя берется мощное покрытие набережной.

Слуга, укутывая Еву в свою куртку, нежно взял ее ладони, сложил девушке на колени. Встал, завораживающе рассматривая волнистую игру марины, под единым ясным Светилом.

- Пойду, окунусь.

Поддуваемый потоками ветра, немного накренившийся фантастический Слуга-великан, тоже встал, рассматривая непредсказуемые игрища Стихии.

В редких слезах Евы, уже не отражается происходящее.

- Куда ты...? *Дождь...* - Девушка тихо заплакала, протягивая руки к небу, показывая на облака.

Парень не спеша разделся, потягиваясь в сторону Солнца, бросая одежду на камни, пошел к пирсу.

- Я беременна...

Шум моря заглушил последнюю фразу. Слуга медленно разогнулся, побежал по пирсу, и прыгнул в воду.

Великан, под общие возгласы и вскрики, родных и близких, ротозеев и зевак, некоторые из которых поддерживали трости гигантской куклы, поднялся, неуверенно сделал один..., другой шаг..., и, под порыв усиливающегося ветра, взлетел над побережьем, направляясь навстречу Солнцу, на Восток.

Ева заботливо подобрал одежду, аккуратно сложила на коленях.

o

Борясь с курчавыми небольшими волнами весеннего холодного обжигающего моря, наслаждаясь полученной дозой адреналина, Слуга загребаящим кролем проплыл немного, ослепляемый встречными солнечными лучами. Замер, осматриваясь среди медленных волнующихся морских качелей, оглядываясь на побережье. Иногда, за ниспадающими холмами волн, он видел качающуюся тихую городскую набережную, под темнеющим предштормовым небом.

Ева, стояла на краю пирса, подавая знаки, машет рукой.

Над морем, то постепенно набирая высоту, то проваливаясь в воздухе, то кидаясь из стороны в сторону, то неуклюже извиваясь и оборачиваясь, напоминая странный воздушный шар, парил Слуга-великан.

С высоты птичьего полета, как на ладони, видно происходящее внизу действие. В толпе ликующих и прыгающих зевак, воображаемому Великану мерещились наблюдающий отец, окруженный немногочисленной публикой, Мальчишка, устроивший небольшое пантомимное выступление, вечные прохожие, даже участливая проводница и синесиреневый «мусорок».

Перед парящим Гигантом, улыбаясь ему, сделав небольшой оборот, промелькнула небезызвестная Мечта.

Неожиданно, как неисправный неуправляемый воздушный змей, Слуга-великан неестественно накренился, переворачиваясь, сделал огромное смертельное сальто-мортале. Взлетевший пилигрим на мгновенье, задержался в воздухе... И спикировал с огромной скоростью, напоминая великолепного падающего кита, создавая взрывной фейерверк брызг вокруг себя, низвергаясь в пучину...

Великан скрылся под водой.

Феерическое действо произвело взрыв эмоций и оваций, разгоряченной полетом гиганта, наблюдающей публики. Люди, мокрые то ли от полученного вдохновения..., то ли от усиливающегося дождя, казалось дополняемого взрывным шквалом потока брызг..., с зонтами и без..., пошли в безумный массовый пляс.

То ли перемерзший от еще холодной, весенней воды, то ли уставший от напряженного барахтанья, Слуга не справился с усилившимися от ниспадения, раскочаненными, накрывающими его, волнами...

Утонул.

o

Природа загадочно играет тонами, красками, ...и чувствами. Со стороны натянутого блестящего моря, по-прежнему, гордо воздымается стабильное единое Светило. Минорное же побережье, сильнее и сильнее, обволакивается серыми, местами темно-голубыми, клубами облаков. Искривлённая, дугообразная береговая линия, как некая проекция вечного символа

диалектического противостояния, рассеивается в пелене сверкающего мелкого дождя.

*Дождь, звонкой пеленой,
Наполнил небо майский дождь...
Гром, прогремел по крышам,
Распугал всех кошек гром...
Я открыл окно,
И веселый ветер
Разметал все на столе,
Глупые стихи,
Что писал я в душной
И унылой пустоте.*

18

o

Где-то, в другом городе, на родильном ложе, зажмурившись от боли, надрывая прижатыми кулаками края воротника ночнушки, вспотевшая, худенькая Надя, откинув голову назад, упершись в быльца, со стонами и криком, рождает сына Слуги.

o

*Грянул майский гром,
И веселье бурною,
Пьянящею волной,
Окатило.
Эй, вставай-ка
И попрыгай вслед за мной,
Выходи во двор
И по лужам бегай
Хоть до самого утра:
Посмотри, как носится
Смешная и святая детвора.*

18

Неожиданно, на набережную, с барабанами, флагами и транспарантами колонною шумно вышла праздничная первомайская демонстрация. Дети побежали с воздушными шарами.

Ева замерла от страха. Прикрыв лицо ладонями, она рыдала, на фоне этой многолюдной, мокрой и солидарной набережной. Сзади, медленно ступая по пирсу, опустив голову, к ней подошел, ничего не подозревающий, виноватый муж.

o

Мальчишка-мим, импровизируя, дублируя увиденное падение Слуги-великана, под овации, окружившей его немногочисленной публики, в кульминации своего выступления, имитируя успокаивающееся море, замер в причудливой фигуре своего образа. На его набеленном лице, вокруг правого глаза, характерно чудаковато намалеван спектральный синяк, с которым когда-то приехал его Учитель. От капель дождя, синяк начал смешно растекаться по лицу юного артиста.

*Капли на лице -
Это просто дождь,
А может плачу это я,
Дождь очистил все,
И душа, захлупав,
Вдруг размокла у меня...
Потекла ручьем
Прочь из дома к солнечным,
Некошеным лугам,
Превратившись в пар,
С ветром полетела*

*К неизведанным,
Неведомым мирам...*

18

Сквозь невероятный слепой дождь, не равнодушному зрителю начинающего мима, неожиданно показалось, как тот, преобразился в птицу феникс, вспорхнув крыльями, взлетел.

Мальчишка исчез из города.

o

В гармонии с естественными стихийными явлениями, душевными эмоциональными потребностями и проявлениями, люди прыгают и кружатся в танцевальном искреннем психозе.

*И представил я:
Город наводнился вдруг
Веселыми людьми,
Вышли все по дождь,
Хором что-то пели,
И плясали, черт возьми,
Позабыв про стыд
И опасность после
С осложненьем заболеть,
Люди под дождем,
Как салют, встречали гром -
Весенний первый гром...*

18

Набережная, побережье сильнее и сильнее, обволакивается серыми клубами облаков. Со стороны Феодосийского залива, по-прежнему, в чистом голубом небе, гордо воздымается стабильное единое Светило.

o

Заключение. Наше время

Трепетное хлопанье черных крыльев приземляющейся птицы прервало тишину, которая возможна только в голубой выси, куда не долетает шум земной суеты.

Птица, пикируя, присела на ветку одного из не высоких деревьев, растущих вдоль центрального проспекта столичного города. Знакомый пилигрим, характерно наклонив голову, рассматривает все вокруг.

Между ровно высаженными деревьями, вдоль главной улицы мегаполиса, расположены светящиеся специальные сооружения, с рекламой выступления знаменитого, всемирно известного артиста, под слоганом «человека который изменил мир», портретом уже повзрослевшего, бывшего Мальчишки.

В тени деревьев, прикрываясь от яркого горячего городского солнца, спокойно общаются Герман и Гессе. Их внешний вид, мало изменился. Очевидно, в отношениях, тридцатитрехлетних близнецов, тоже, мало что изменилось.

Кстати, где-то вдали, за одним из деревьев аллеи, пошатываясь, мельком маячит, все тот же, но уже повзрослевший и... бородатый, писающий мальчик.

- Душа моя, я много видел в этой жизни... И холод, и голод... *Мой рок* для меня приготовил...

Мимо, беседующих братьев, разговаривая по телефону, непринужденно прошел холеный, худосочный бонза, почти точная копия своего отца.

- Мастер.

Спутники, по родительски оглянувшись, теплым взглядом провели сына Слуги.

Парень сел в припаркованную у обочины, черную дорогую модель «Infinity», захлопнул дверь и уехал. На

бампере удаляющегося авто блеском промелькнула никелированное словосочетание «Sid...»

- Что там у него сзади написано?
- То ли, Сиддхартха (*Siddhartha*)...,
то ли, Сид Вишес (*Sid Vicious*)...

19

20

*Прощай, детка!
Детка, прощай.
И на прощанье
Я налью тебе чай,
Я позвоню по телефону,
Закажу тебе авто,
И провожу до двери,
И подам тебе пальто,
И поцелую невзначай,
И прошепчу: "Прощай, детка, прощай!"*

*Ты так соблазнительна
И не скучна ничуть,
Но мы устали друг от друга,
Нам нужно отдохнуть.
Накрась поярче губки
И подведи глаза,
На всякий случай
Спрячь в карман
Бубнового туза.
Живи же хорошо, не скучай,
Ну а пока "Прощай, детка, Прощай!"*

21

o

От автора

Изначально был сценарий...

драматургическая задумка полнометражного художественного музыкального фильма, вдохновляемые музыкальными произведениями групп «Аквариум», «Наутилус Помпилиус», «Бригада «С», «Центр», «Телевизор», «Крематорий», «Алиса», «Браво», «Кино», «Аукцион», «Чай-Ф», «Альянс», «Звуки Му», «Машина времени», «Пикник», «ДДТ», «Зоопарк», Земфиры Рамазановой, Аллы Перфиловой, инсценировкой воображаемых реалий, на фоне политеатрального, картонного антуража.

o

*Мы докурили сигареты
И допили все вино,
И поняли, что наше время
Кончилось давно,
Но нам же было так чудесно,
Нам было хорошо,
Нам было хорошо,
Кто знает, может нам
Захочется еще,
Я спел тебе все песни,
Которые я знал,
И вот пою последнюю, про то,
Что кончен бал,
Про то, что одному
Быть плохо,
Что лучше быть вдвоем,
Но я разбит и слаб,
И я мечтаю об одном.
О чем? Попробуй угадай.
О, ты права!
Чтоб ты сказала мне
"Прощай, детка, прощай!"*

21

«Классики»:

- 1 Текст песни «Город золотой», авторы А.Волхонский, В.Вавилов
- 2 Текст песни «Наша семья», автор В.Бутусов, И.Кормильцев
- 3 Текст песни «Звезда микрорайона», автор Г.Сукачев
- 4 Текст песни «Воскресенье», автор А.Шульгин
- 5 Текст песни «Мальчик в теннисных туфлях», автор В.Шумов
- 6 Текст песни «С вами говорит телевизор», автор М.Борзыкин
- 7 Текст песни «Клубника со льдом», автор А.Григорян
- 8 Текст песни «Осень», авторы А.Шаталин, К.Кинчев
- 9 Текст песни «Старый отель», автор Ж.Агузарова
- 10 Текст песни «Звезды останутся здесь», автор В.Цой
- 11 Текст песни «Дорога», авторы Д.Озерский, Л.Федоров
- 12 Текст песни «По-другому не прожить» (Псы), автор В.Шахрин
- 13 Текст песни «На заре», автор О.Парастаев
- 14 Текст песни «Источник заразы», автор П.Мамонов
- 15 Текст песни «Она идет по жизни смеясь», автор А.Макаревич
- 16 Текст песни «Самолет», автор З.Рамазанова

- 17 Текст песни «Великан», автор Э.Шклярский
- 18 Текст песни «Дождь», автор Ю.Шевчук
- 19 Текст песни «Прощай детка», автор М.Науменко
- 20 «Сиддхартха» (Siddhartha) – аллегорический роман-притча Германа Гессе, о молодом брахмане по имени Сиддхартха
- 21 Сид Вишес (Sid Vicious) - настоящее имя - Джон Сэймон Ричи, скандальный британский музыкант, известный как участник панк-рок-группы Sex Pistols

